

Климков Василий И.

Расправы и расстрелы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий И. К.**
Расправы и расстрелы / Климков Василий И. – М.: Книга по Требованию, 2025. – 240 с.

ISBN 978-5-519-89311-4

ISBN 978-5-519-89311-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Василій Климовъ.

I.

Декабрьскіе кровавые дни въ Москвѣ.

„Ахъ, если не легенда святая Влассеевская ночь, если правда, что въ синей декабрьской тьмѣ, при таинственномъ трепетѣ мистической золотой авфавды, ступаютъ по мягкому русскому снѣгу младенческія ножки новорожденнаго Христа,—онѣ будутъ въ крови, эти дѣтскія, святые ножки! Адм. Дубасовъ слишкомъ выразительно поваяботился приготовить для нихъ красивый, дымящійся коверъ. Пропустимъ безъ вниманія всѣ безчисленные показанія свидѣтелей-очевидцевъ „дикой расправы“, которую мужественный адмиралъ отрицаетъ съ усердіемъ, энергіей, но и съ наивною истаго морского волка. Читайте его самого: „отдалъ приказаніе къ 24 числу, т.-е. къ кануну великаго праздника Рождества Христова, совершенно очистить всѣ кварталы столицы“ и т. д. и т. д. Что значитъ на явлыкѣ г. Дубасова „очищать“—Россіа хорошо освѣдомлена. Ибо дни въ день читаемъ мы объ этихъ полицейскихъ и солдатскихъ „колядакахъ“ въ статьяхъ востуцешныхъ корреспондентовъ и въ письмахъ страдающихъ обывателей“

Александръ Амфитеатровъ.

(„Молва“, № 16, 1905 г.).

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

„В. Климовъ, военный корреспондентъ „Рус. Слова“, отправился въ Москву по нашему порученію разсказать, что тамъ творится. Мы поручили ему описать прямую правду своихъ впечатлѣній безъ умолчанія и какихъ бы то ни было преувеличеній“.

(Отъ ред. „Молвы“).

То, что предлагается вниманію читателей о памятныхъ декабрьскихъ кровавыхъ дняхъ въ Москвѣ въ настоящій книгъ — результатъ моихъ непосредственныхъ впечатлѣній и разслѣдованій на мѣстѣ.

Это бѣглые наброски съ натуры, частью уже печатавшіеся на страницахъ «Молвы», но значительно дополненные и про-корректированные.

Конечно, тѣ сложныя условія, при которыхъ приходилось работать пишущему эти строки, исключаютъ всякую возможность претензіи на капитальное значеніе этихъ очерковъ. Разумѣется, — это только страницы, только частица матеріала для будущаго историка неизгладимой кровавой московской драмы.

Приходилось записывать эти страницы, рискуя не только жизнью, но и возможностью попасть въ руки... увы! своихъ же *русскихъ дикарей* и подвергнуться оскорбленіямъ, какъ то и случилось съ моими товарищами по перу г. г. Рыкачевымъ Брокманъ ¹⁾.

Напримѣръ, разслѣдованіе разстрѣловъ забастовщиковъ л. гв. Семеновскимъ полкомъ на ст. Люберцы (Моск. Каванск. ж. д.) мнѣ пришлось дѣлать тогда еще, когда тамъ «хозяйничали» семеновцы и ни пѣшій ни конный не ускользалъ отъ ихъ вниманія. При мнѣ въ Люберцахъ производились обыски, царствовалъ терроръ и земля еще не обвѣтрилась на свѣжихъ могилахъ жертвъ произвола.

¹⁾ Какъ извѣстно, гг. Рыкачевъ и Брокманъ по приказанію офицера были избиты солдатами л. гв. Семеновскаго полка только потому, что при нихъ оказались корреспондентскія удостовѣренія. В. К.

И честью увѣряю—я не переживалъ такихъ тяжелыхъ минутъ и на поляхъ Манчжуріи подъ огнемъ японцевъ, не испытывалъ такого угнетенія и предъ дикими желтолицыми хунхузами, когда однажды подвергнулся ихъ нападенію... нѣтъ! чувство ужаса и сожалѣнья, да именно сожалѣнья къ своимъ дикарямъ сильнѣе, мучительнѣе...

И это не былъ животный страхъ за свою участь!...

Невыразимо тяжело видѣть враговъ въ тѣхъ, кого привыкъ считать своими братьями и за кого еще такъ недавно ратовалъ и скорбѣлъ душою.

Можно ли говорить о какихъ либо преувеличеніяхъ при описаніи междуусобной борьбы?..

Развѣ пролитая невинная братская кровь и всѣ эти ужасы произвола жестокихъ правителей не вопіють къ небу?... Развѣ это не міровая трагедія?..

И можетъ ли фантазія ума человѣческаго придумать подробности ужаса сильнѣе дѣйствительныхъ?

Что же касается цѣли настоящей книги, смѣю думать, она ясна.

Мнѣ хотѣлось еще разъ напомнить обществу страницы нашей кровавой были, страницы далеко не исчерпанныя, ибо во время печатанія этого труда обнаружились ужасные случаи изнасилованія казаками женщинъ на Кавказѣ и въ другихъ мѣстахъ нашей многострадальной родины.

Мнѣ хотѣлось бы убѣдить общество въ необходимости настойчиваго требованія *слѣдствія и суда* надъ дѣятелями произвола и насильниками.

Развѣ всѣ здѣсь приводимые факты, эти вопіющіе факты, не доказываютъ, что правительственный терроръ, съ смертными казнями, пытками и насиліями, отнюдь не успокаиваетъ населеніе, и вызываетъ, въ свою очередь, отвѣтный терроръ, какъ результатъ прискорбнаго, безвыходнаго, ослепленнаго отчаянія...

Предали бы, напримѣръ, суду изверга Аврамова—истязателя Спиридоновой—и конечно, онъ не палъ бы жертвой самосуда, а слѣдствіе, быть можетъ, установило бы, какіе факторы образовали подобный чудовищный типъ, что было бы очень важно.

Примѣровъ множество. Долой же произволъ! Долой смертную казнь!

Слѣдствія и суда!

В. Климовъ.

I.

Петербургъ — Москва.

Въ Петербургѣ наступили дни забастовки.

Забастовали фабрики, заводы, мастерскія... но суровый старый бюрократъ — Петербургъ не измѣнилъ своей обычной физиономіи.

Электричество не погасло, нарядная толпа, экипажи и конки двигались по улицамъ, торговля не прекращалась, соблазняя блестящими выставками публику... Театры, концерты, рестораны, — словомъ, «жизнь» въ полномъ разгарѣ...

Лишь тамъ, гдѣ-то за заставами, бродили толпы мрачныхъ, озабоченныхъ рабочихъ и рѣшали вопросъ: бастовать или не бастовать — быть или не быть?.. (или голодать?..)

И бастовали...

Но запахъ предпраздничнаго рождественскаго гуся пріятно щекоталъ чиновничій носъ эгоистичнаго Петербурга, не замѣчавшаго волненій за далекими заставами...

А изъ Москвы раздались громкіе, рѣзкіе протесты, прозвучали первые бунтовскіе!

И мрачныя печальныя вѣсти о междуусобной кровавой борьбѣ посыпались одна за другою...

II.

Въ поѣздѣ.

Я на петербургскомъ Николаевскомъ вокзалѣ покупаю билетъ на курьерскій поѣздъ.

— Что, есть мѣста?

— Помилюте! — улыбается кассиръ, — весь составъ почти свободенъ... Кто же теперь въ Москву поѣдетъ?

Дѣйствительно, время не для поѣздовъ.

Но намъ, журналистамъ, много разсуждать не приходится.

Головокружительный потокъ событій требуетъ непрерывнаго описанія ..

Калейдоскопъ такъ быстро вращается, что отъ современнаго бытописца требуется чисто стенографическая скорость.

Давно ли я, въ качествѣ военнаго корреспондента, описывалъ злополучную манчжурскую эпопею, и вотъ... опять ѣду на войну!.. увы, еще болѣе печальную, ужасную...

Да не сонъ ли это? Неужели тамъ, въ Москвѣ, дѣйствительно льется кровь, братская кровь?..

Увы, все говорить за дѣйствительность.

Вотъ молодой драгунскій офицеръ съ георгиевской ленточкой въ петлицѣ—это одинъ изъ моихъ немногихъ спутниковъ.

И онъ—невольникъ долга—ѣдетъ на вторую войну...

Его провожаетъ молодая красивая дама. Она такъ разстроена, такъ трагически прощается, какъ только можно прощаться, провожая въ далекій опасный путь.

— Берегись, дорогой!—чуть не плача кричитъ она, по мѣрный механический шумъ колесъ тронувшагося поѣзда заглушаетъ ея голосъ.

Въ мое купе входитъ кондукторъ.

— Не пригасить ли свѣтъ, баринъ? Неравно обстрѣляютъ дорогой...—тревожнымъ голосомъ говоритъ онъ.

Очевидно мы вступили на боевой путь.

III.

Б о е в а я п р е л ю д і я.

Ясное морозное утро.

— Ба-а-бахъ!..—гулко раздается въ морозномъ воздухѣ орудейный выстрѣлъ.

— ...Ахъ! ахъ!.. ахъ!.. — перекатывающимся стономъ отдается эхо въ каменныхъ громадахъ столицы.

Мы въ Москвѣ.

На перронѣ суетятся носильщики и еще какіе-то люди.

Движенія у всѣхъ необычайно торопливыя, лица блѣдныя, испуганныя.

Вотъ видѣется шеренга запасныхъ, только что прибывшихъ съ Дальняго Востока.

Изъ подъ мохнатыхъ шапокъ выглядываютъ недоумѣвающія, оторопѣлыя лица солдатъ.

Въ багажномъ залѣ расположился караулъ одного изъ грендерскихъ москвовскихъ пѣхотныхъ полковъ.

Солдаты, въ полномъ боевомъ вооруженіи, не безъ тревоги всматриваются въ лица публики.

И горе любопытному, вздумавшему задать какой-нибудь вопросъ одному изъ караульныхъ

— Ну, ну, проходи! То-о-же разговариваетъ!.. — слышится грубый отвѣтъ, и винтовка припимаетъ рѣшительное, грозное положеніе.

На наружной площадкѣ на насъ устремляется не менѣе пяти паръ глазъ, пронизывающихъ, стремящихся заглянуть въ душу и... карманы, жандармскихъ глазъ!..

На площади между Николаевскимъ и Рязанскимъ вокзалами гарцуютъ казаки съ винтовками наперевѣсь.

Передъ вокзаломъ цѣпь сѣпённыхъ драгунъ также съ винтовками наготовѣ.

Вдали виднѣются стѣны и уголъ дома, подбитаго вчера артиллеріей. Темныя развороченныя впадины — слѣды снарядовъ — словно съ нѣмымъ укоромъ неподвижно установились на площадь съ военнымъ бивуакомъ.

Мнѣ посчастливилось захватить единственнаго извозчика, только что кого-то доставившаго на поѣздъ.

Мы тронулись въ Покровскъ. Черезъ площадь шагали люди съ носилками, преградившіе намъ путь.

Знакомая грустная картина!..

Первыя носилки прикрыты гризнымъ окровавленнымъ полотномъ.

На вторыхъ — кто-то мучительно метался, оглашая улицу душу раздирающими криками.

На третьихъ—последнихъ носилкахъ—было также тихо, какъ и на первыхъ...

Только длинныя, въ темныхъ драповыхъ рваныхъ рукавахъ, безжизненные руки свѣсались съ носилокъ...

Извозчикъ истошно перекрестился, ожесточенно стегнувъ свою лошаденку.

Вотъ Красныя ворота. Направо и налево отъ воротъ тянется полуразрушенная баррикада, построенная изъ сломанной желѣзной рѣшетки, обвитая телеграфною проволокою.

Немного далѣе повисъ на проводахъ спланный телеграфный столбъ

У самыхъ воротъ расположился заводъ артиллеріи при двухъ орудіяхъ, повидимому приготовленный къ стрѣльбѣ.

Согласно всѣмъ правиламъ военнаго искусства, артиллерію окружало «прикрытіе» изъ конныхъ драгунъ.

Я пристально всматривался въ даль (впрочемъ, «площадь обстрѣла» была довольно ограничена), но нигдѣ не замѣтилъ грознаго непріятеля.

На улицѣ сновали рѣдкіе пѣшеходы, пугливо прижимаясь къ стѣнамъ.

Конные драгуны суетливо гарцовали около орудій.

— Проходи скорѣй! Проѣзжай... такой и этакій!.. Не останавливайся!.. — слышались ихъ грозные окрики, сопровождаемые движеніемъ винтовки на прицѣлъ.

Мой возница старательно понукалъ лошаденку, пугливо озираясь на грозныя дула орудій.

Мы быстро подвигались впередъ.

— Тр..рахъ...трахъ—трахъ!—загремѣли въ лабиринтѣ улицъ оружейные залпы...

Въ отвѣтъ прозвучали короткіе, глухіе, вѣроятно, револьверные выстрѣлы.

Мой невзрачный извозчикъ положительно превратился въ лихача.

— Стойте! стойте! Умоляю, ради Бога!—послышался съ тротуара женскій голосъ.

Я едва успѣлъ остановить извозчика.

Ко мнѣ подошла пожилая, съ блѣднымъ, истощеннымъ лицомъ, женщина.

— Простите, но я вижу у васъ чемоданъ... Значить, вы съ поѣзда? Значить, поѣзда пошли?—закидала она меня вопросами.

— Да, я пріѣхалъ изъ Петербурга.

— Изъ Петербурга?!..—разочарованно промывнула она.—А я думала... дѣти вѣдь у меня... Уѣхать надо, а нельзя...

Безнадежно махнувъ рукою, она отошла отъ саней.

Мы тронулись по мертвымъ улицамъ съ наглухо заколоченными магазинами и воротами.

Гдѣ-то опять раскатисто прозвучалъ орудійный выстрѣлъ.

Совершенно близко затрещали винтовки.

Но я уже остановился у одного изъ домовъ на Покровкѣ, гдѣ рѣшилъ устроить свою штабъ-квартиру.

IV.

Письмо въ «Молву» отъ 12 декабря.

Первыя впечатлѣнія.— Къ осадѣ дома Фидлера.— Жестокости.— Провокація.— Дружины „русскихъ людей“.— Приказъ Дубасова.

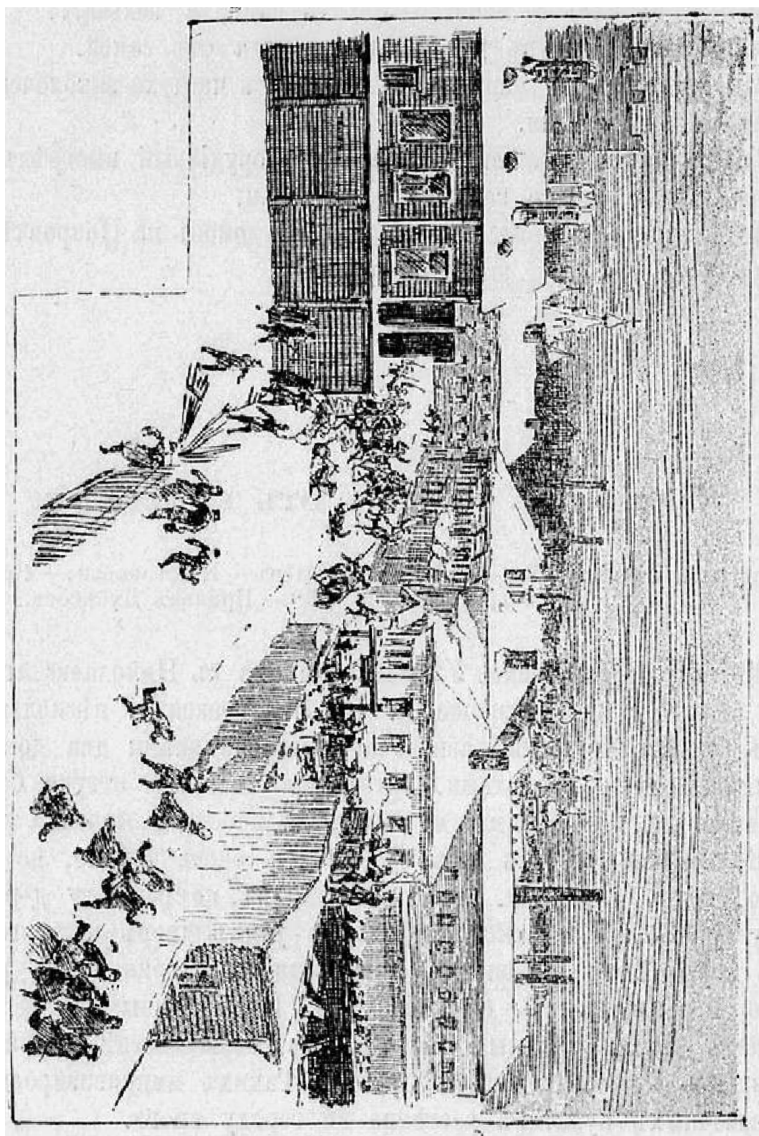
Москва не узнаваема. Уже при выходѣ съ Николаевского вокзала видны слѣды разрушенія. Противъ вокзала, нѣсколько наискось, зіяютъ темными развороченными впадинами два дома, обстрѣлянные вчера гранатами. Артиллерія выбивала оттуда боевыхъ дружинниковъ. Сегодня при мнѣ съ мѣста побоища выносили жертвы.

Количество жертвъ пока установить очень трудно, но несомнѣнно, цифры ужасныя. Вчера, напримѣръ, по разсказу д-ра Ш., на углу 4-й Мѣщанской и Садовой улицъ дворъ частнаго дома былъ переполненъ ранеными, собранными съ баррикадъ. Д-ръ Ш. лично перевязывалъ до 60 человекъ. Перевязочныхъ средствъ не хватаетъ. Раны тяжелыя, рваныя, въ большинствѣ — осколками снарядовъ и шрапнельными пулями. Такихъ импровизированныхъ перевязочныхъ пунктовъ разсыяно по городу много.

Сегодня съ утра грохочетъ орудійная канонада, не смолкающая третій день, трещатъ ружейные залпы и одиночные выстрѣлы, мѣрно барабанитъ пулеметы... По городу снуютъ драгуны, казаки, пѣ-

хота, передвигается артиллерія. У Красныхъ воротъ видѣли два орудія въ боевой готовности. На Прѣснѣ у Зоологическаго сада съ часу дня открытъ частый орудійный огонь, обстрѣливающий

«Декабр. кровав. дни въ Москвѣ». Сцена на улицѣ п. дни баррикады.

дороги, гдѣ могли бы пройти рабочіе фабрики Прохорова, завода Шмидта, части Всѣславскаго и всего Прѣсненскаго района. По-